

В ГАРЕМЕ ВСЕ ПО-ПРЕЖНЕМУ...

Косогор был белым от ромашек. Не белоснежным, потому что у этих цветов желтые сердцевинки и темно-зеленые листья, но белым от лепестков.

Хотелось упасть и скатиться по нему, переваливаясь с боку на бок.

Но Настя понимала, что этого делать нельзя — не позволит большой живот. Она снова носила ребенка.

Какой живот, откуда у нее, девчонки, живот?
— Настя-а-а-а!..

Она хотела откликнуться и тут же испугалась: нельзя вспоминать прежнее имя! Она Хуррем, давно Хуррем. Хасеки, у которой дети, нет, откликаться на имя, данное при рождении, нельзя.

Пыталась оглянуться, чтобы увидеть, кто зовет, голос был знакомым, до боли знакомым, но оглянуться не удавалось. Ахнула и... проснулась.

Вокруг полумрак, в углу два светильника, пламя которых слегка колебалось от движения воздуха. Внутри требовательно толкнулся ребенок.

Сон пропал, тут же одолели мысли. Первое — дети, ради них жила, за них готова горло перегрызть любому. Улыбчивая девочка уступила место беспокойной матери. Иначе и быть не могло, Мехмед, за ним недоношенная из-за травли Михримах, Абдулла, потом Селим, а теперь вот внутри толкался следующий ребенок. Пятый год — пятый ребенок.

Роксолана устала, устала носить большие для своей хрупкой фигуры животы, ловить на себе неприязненно-удивленные взгляды, мол, что ж это за женщина, которая, словно дворовая сучка, без конца приплод приносит? Удивлялись, считали ведьмой, потому что не может быть, чтоб женщина беременела еще до окончания очистительного срока, причем уже который раз!

Но куда больше устала бояться — за детей, за себя, за очередную беременность. Отравить наложницу в гареме, даже если она кадина и Хасеки, не так трудно, не помогут никакие зеленые тарелки, якобы предохраняющие, что в еде на них есть яд. Ничто не поможет, даже султан не спасет, только Господь, а как его просить, если отреклась от веры предков, стала мусульманкой? Все равно просила: Бог един, он поможет.

Жизнь в гареме не сравнишь с жизнью в родительском доме, не бедствовали Лисовские в Рогатине, совсем не бедствовали, но все ж на золоте не ели и в шелках не ходили. А здесь было все — роскошь, о какой только в сказках слышала, слуги, самостоятельно шагу не ступишь, все нороят помочь, за детьми присмотрят, тебя оденут и обуют, остается только желания высказывать да капризно перебирать.

Но золотая клетка все равно клетка. Как часто Настя, еще не став Роксоланой, вспоминала ромашковый косогор и возможность побегать босиком по траве, как часто уже Роксоланой мечтала сбежать, вернуться в свой пусть не такой богатый дом, припасть к материнской груди, попросить у отца благословения... Когда стала Хуррем и до рождения Мехмеда приняла ислам, думала уже иначе: как к отцу подойдет, как в церковь войдет?

Нет, дом оставался там, за морем, за горами, за лесами... Не дойти, не доехать, только в мыслях и вернешься.

Но родилась крошечная Михримах, а потом Абдулла и Селим, потряслась Хуррем от страха за детей, пока султана не было в Стамбуле, а янычары били в днища котелков и разорвали столицу, и поняла — и в мыслях не вернется.

Где у человека дом, там, где он родился, куда тянет его сердце? Но теперь сердце Роксоланы было здесь, а она сама окончательно стала Хуррем. Не потому, что любила Сулеймана, любовь к мужчине преходяща, как и у него к ней, а потому,

что здесь рождены и жили ее дети. Для женщины дом там, где дом ее детей.

Пока бунтовала в Летнем дворце, Повелитель взял на ложе Махидевран, словно возродившуюся из пепла, сильно похудевшую, жаждущую вернуть себе положение рядом с султаном. Пусть Сулейман быстро понял, что не та уже Махидевран, что былого не вернуть, эта минутная близость дала плоды — Махидевран родила девочку, названную Разие. Теперь у Повелителя была не одна принцесса Михримах, и хотя отношение разное — Михримах любимая принцесса, да и Разие пока слишком мала и криклива, конкуренция есть.

Бесконечные беременности вымотали Хуррем, хотя переносила их легко, но пятый раз... И все же сама не решалась пожаловаться, Фатима и Зейнаб поняли и без жалоб, посоветовались, и Зейнаб на правах старшей завела разговор:

— Госпожа, стоит ли так часто рожать?..

Хуррем рассмеялась:

— Да если так получается!

— Есть средство...

Махидевран просто светилась, хотя побывала у Повелителя на ложе всего раз, но, почувствовав, что беременна, ожила. И хотя Сулейман вернул из ссылки Хуррем и снова взял ее к себе, Махидевран надеялась, что после рождения ребенка снова станет для султана желанной. Она очень хотела родить дочь, потому что с завистью на-

блюдала, как Сулейман ласкает маленькую забавную Михримах.

Валиде с удовольствием наблюдала, как ожила старшая жена, как она снова почувствовала вкус к жизни, занялась нарядами и собственной внешностью, как похудела, несмотря на беременность...

У баш-кадины на эту беременность большие надежды. Родится красивая девочка, Повелитель полюбит ее больше Михримах, и тогда у Махидевран будут двое самых любимых детей — шехзаде Мустафа, которого не любить просто невозможно, и маленькая принцесса, наверняка красавица и умница.

Исполнилось только первое — родилась дочь. Красавица? Пока неясно, потому что ребенок слишком мал. Теперь у Махидевран было двое детей, но!.. Внимание отца все больше захватывал старший сын Хуррем Мехмед. И забавную Михримах, во всем копирующую брата, Сулейман предпочитал пока еще по-младенчески бестолковой Разие.

Дети все больше делились на «тех» и «этих». Умный и заботливый отец, Сулейман много времени уделял воспитанию Мустафы и общению с ним, тем более, что мальчик искренне увлекался верховой ездой и стрельбой из лука. Мехмедик для этого был еще мал. Но все же наследник больше времени проводил с янычарами.

Сначала это настораживало Махидевран, янычары не самая лучшая компания для шехзаде, но

потом, поразмыслив, она решила, что ошибается. Конечно, янычары не способны облагородить ум Мустафы, поскольку сами нигде не учились, большее, что они умели, — владеть оружием и зачатками какого-то ремесла. Этому будущему султану мало, он должен быть образован, иначе придется во всем полагаться на визирей. Ну и пусть! На то и существуют визири. У Сулеймана есть образованный и умный Ибрагим, а знаменитый визирь Низам-аль-Мульк, о котором до сих пор ходят легенды!..

Кроме того, никакой визирь не спасет, если янычары восстанут. Янычары — вот сила, перед которой не устоит разум, значит, надо добиваться любви янычар.

Мустафа действительно был любимцем суровых воинов, которые видели в нем будущего султана и тоже умели просчитывать ситуацию. Конечно, они возились с симпатичным, приветливым мальчиком и просто так, потому что давно оторваны от дома, не имели собственных детей и не знали семейной заботы о себе. В янычары попадали по девширме — сбору дани «кровью», когда сообразительные и крепкие мальчишки из подвластных оттоманам территорий юга Европы забирались для службы на благо империи. Самых сообразительных отправляли учиться в дворцовую школу, которую окончил, например, Ибрагим, а просто крепкие учились владеть оружием, зубрили Коран, учили турецкий, забывая свой собственный язык.

Это происходило быстро, уже через полгода мальчишки если и помнили что-то, то лишь песни своей родины. Их новой родиной становилась Османская империя, а домом — казармы янычар. Воинское братство для мальчишек заменяло семью, но для многих это было выходом. Часто родители, для которых прокормить каждого ребенка настоящая проблема, сами отдавали мальчиков султану, правда, по девширме забирали самых сильных, а хотелось отдать слабенького, сильные должны продолжать род...

У беспокойного братства на шех-заде был свой расчет: наследника нужно воспитать так, чтобы не хуже священных слов из Корана помнил, кому обязан своей силой и своим возвышением. Нет, не отцу, а им — янычарам. Особенно это проявилось во время бунта янычар, когда Стамбул просто трепетал от страха. Конечно, султан Сулейман сумел одержать верх, но хитростью, а не силой. А шех-заде испугался, детский ум схватчив на впечатления, в его памяти обязательно отложится испытанный ужас от силы янычар.

Возможно, не все янычары на это рассчитывали, но то, что наследнику нужно с детских лет внушить уважение к своей силе, понимали все. А еще любовь к тому, что любят они сами, — к оружию, походам. Султан должен водить янычар в походы каждый год, а не сидеть в гареме. У султанов предки через одного воевали. Прадед нынешнего Мехмед Фатих — Завоеватель — был грозным полководцем, сумевшим свалить занос-

чивую Византию и взять Константинополь. Конечно, Восточную Римскую империю практически уничтожили и до него, но Константинополь взял и назвал Стамбулом именно Фатих. Зато следующий — Баязет — был тихим и мирным, особенно в конце своей жизни, воевал только в случае необходимости. Отец Сулеймана султан Селим мог бы завоевать всю Европу, если бы не умер вдруг, готовясь к очередному походу.

Нынешний султан Сулейман воюет словно нехотя, хотя удачлив, сумел сделать то, чего не смогли его воинственные предки, — взял Родос, намного облегчив плавание турецким судам, и Белград, чего уж и вовсе не ожидали. Но дай ему волю, сидел бы дома со своими ювелирными побрякушками или книгами. Стихи пишет, беседы философские с улемами ведет, детей плодит. Себя окружил чужеземцами, один этот визирь-грек чего стоит...

А в походы если и ходит, то для янычар выгоды мало, до него падишахи сами в походах обогащались и воинам своим позволяли. Чего ради ходить в поход и головой рисковать, если вернешься, как с Родоса, таким же нищим, как и уходил? Янычар за саблю берется, либо чтобы научиться ею владеть, либо чтобы добыть себе что-то, но Повелитель запрещает грабить, на Родосе пальцем никого тронуть не позволил, всех осажденных выпустил с честью, у местных фураж покупал, пока крепость осаждали. Вот и получается, что бесполезно ходили.

Пусть бы и так, только тогда надо платить побольше, чтобы было на что себе покупать еду и одежду, а не латать старое. Вот султан Селим, тот понимал нужды янычар.

Воины надеялись, что и будущий султан тоже поймет, а для этого он должен знать эти нужды, как свои. Вот пусть и учится стрелять не у ненавистного грека, а у лучших стрелков янычарского войска... Заодно и плов с ними из одного котла поест, и суп похлебает. Что, жидковат супчик? Так густой не на что сварить... Вот пошли бы в поход, обогатились, был бы и суп гуще, и оружие лучше. А пока украшенная сабелька только шех-заде Мустафе, его янычары любят, ради него готовы последние монеты отдать, чтобы был подарок на загляденье. А шех-заде янычар любит? Понравился подарок?

Мустафе нравилось, даже жидкий суп тоже, он с восторгом раздавал обещания водить в походы, когда станет султаном, каждый год. И не в холодные северные земли Европы, куда раньше конца весны носа не сунешь из-за разлива рек и речушек, а в начале осени надо скорей возвращаться, чтобы не застрять в непролазной грязи или не подохнуть с голода в снегах. Оттоманам трудно быть победителями в Европе, они к теплу приучены, но султан совсем отвернулся от Персии, с которой испокон веку воевали, словно там богатств больше не осталось.

Но такого сильного противника, как персидский шах, в покое оставлять нельзя, он силы со-

берет и в спину ударит. С Персией воевать надо постоянно, чтобы не успевала голову поднять.

Шех-заде Мустафа обещал... Все чаще звучало: вот стану султаном.

Услышав о таком, первой испугалась валиде. Это сейчас внуку десять, и Сулейман не обращает внимания на его болтовню, но немного погодя и Мустафа подрастет, и кто-нибудь из янычар донесет, что тогда? Она не знала, как поступит сын — снесет ли мальчишке голову вместе с янычарами или ему все же оставит? Внука жалко, он еще совсем мальчишка, говорит с чужих слов, но и за сына тревожно, давно ли Стамбул был в руках этих смутьянов?

— Самира, позови ко мне Махидевран, только пусть одна придет, поговорить хочу.

Хезнедар-уста склонила голову, быстро скрылась за дверью. Она единственная, кому Хафса Айше могла доверять, знала, что не выдаст ни под плетью, ни если кожу полосами снимать будут.

Махидевран не шла — плыла, несла себя торжественно и красиво. Стан снова стройный, голова сидит горделиво. Вот так и надо было все время, а не с Гульфем грызться, чтобы не пришлось Хуррем султану подсовывать. Упустила свое время, а теперь пытается вернуть.

Хафса вздохнула: едва ли вернет. Она знала, что Сулейман снова подолгу ведет беседы с Хуррем, несмотря на то что она круглая, пятого ре-

бенка носит, повитухи сказали — сын. Но сейчас валиде хотела поговорить со старшей невесткой совсем не о том.

Махидевран вошла, склонила голову, как положено, только глаза блестели, предчувствуя радость.

— Валиде...

— Проходи, Махидевран, присядь. Поговорить хочу.

Только сейчас баш-кадина заметила, что сама Хафса не улыбается.

— Как ваше здоровье, валиде? Ничего не случилось? У вас вид озабоченный.

— Есть о чем беспокоиться.

— Хуррем что-то натворила? Эта женщина никогда не угомонится, лучше бы ее шайтан забрал!

— Нет, Хуррем ни при чем. О тебе хочу говорить...

Махидевран чуть напряглась. Не такого тона она ожидала от разговора о себе, ведь, кажется, угодила Повелителю — родила дочь.

— ...о тебе и о Мустафе. Как мой внук?

— Мустафа здоров, он не болеет, как эти недоноски Хуррем. Учится и много тренируется у янычар. Те его просто обожают.

— Вот об этом я и хочу говорить.

В темных глазах Махидевран мелькнула тревога, но она промолчала.

— Мне сказали, он все чаще произносит обещание «вот стану султаном...». И это перед янычарами.

Махидевран не сдержалась, всего на мгновение ее глаза триумфально сверкнули, блеск тут же погасила, глаза опустила, пролепетала:

— Он еще ребенок..

Но Хафса все заметила. Так и есть, это слова самой Махидевран. Глупая женщина забыла об осторожности!

— Он ребенок, Махидевран, но эти слова слышат взрослые. Что будет, если они дойдут до Повелителя?

Баш-кадина ахнула:

— Что? Повелитель не может сердиться на ребенка!

— Сердиться не будет, но в душе отложится. К тому же поймет, с чьих слов Мустафа такие речи ведет.

Махидевран испугалась, откровенно испугалась.

— Мустафу никто не учит, просто он слышит от янычар, что должен делать, когда станет султаном. Падишах должен уметь владеть оружием и не чувствовать слабости в походе, должен..

— Я знаю, что должен Повелитель. Постарайся, чтобы Мустафе не внушали, что он СКОРО станет Повелителем. Ты меня поняла? Всеу свое время, пока пусть учится, но больше у отца, чем у янычар.

Баш-кадина не выдержала:

— У отца? Но как быть, если Повелитель все больше времени проводит не с шех-заде Мустафой, а с Мехмедом? Мустафа даже не обрезан до сих пор, а ведь ему десять!

Валиде нахмурилась, Махидевран права, Сулейману стоило бы много больше времени уделять наследнику, Мехмед второй, наследовать будет Мустафа. И про обрезание верно, давно пора устроить по этому поводу праздник. Плохо, что так сложилось, Сулейману все некогда, нужно выбрать время для старшего сына.

— Ты права, я поговорю с Повелителем. Но и ты осторожней с Мустафой и янычарами, это может довести до беды.

Когда за баш-кадиной закрылась дверь, стоявшая молча в стороне Самира подала голос:

— Неужели всегда так: сын против отца?

Хафса даже вздрогнула: хезнедар-уста озвучила самый большой кошмар ее жизни. Промолчала, но ответа не требовалось, Самира и без того понимала, что так.

Родившимся сыновьям радовались, желали их больше, но потом, когда сыновья подрастали, вставал тот же вопрос: власть, как ее делить? Селим, став султаном, а вернее, сместив отца, уничтожил не только своих братьев и племянников, но и собственных сыновей, могущих претендовать на престол, оставив одного Сулеймана. Хафса тогда поклялась мужу, что ее сын никогда не будет претендовать на власть при жизни отца. Только отец прожил после того недолго — всего восемь лет.

Сулейману никого не пришлось уничтожать, но что будет дальше? Мустафе сейчас десять, его

отцу тридцать, Повелитель крепок и полон сил. Через десять лет Мустафе будет двадцать, в это время любого человека одолевают честолюбивые желания, а уж шех-заде особенно. Хафса знала, что годы летят очень быстро, пять лет правления Сулеймана промчались, как один миг, промчатся и эти десять лет, что тогда?

Она даже застонала от мысли о том, что должен чувствовать сам Сулейман, глядя на своего растущего сына. А на других? Сулейман любит Мехмедика, разумного, симпатичного, вечно улыбочивого, как его мать Хуррем. Что должен чувствовать Сулейман, зная, что ждет этих сыновей?

Хуррем внушает Мехмеду, что тот должен стать помощником брату, не пожалеть ради него своей жизни. Но это сейчас, а дальше? Что будет, когда они столкнутся между собой? И каково отцу понимать, что этого столкновения не избежать? Каково жить, зная, что предстоит борьба не на жизнь, а на смерть с собственным сыном и у сыновей между собой? А каково Хуррем, если она знает, что все ее сыновья должны быть уничтожены?

Как передавать власть, чтобы при этом не становиться братоубийцей? Иметь всего лишь одного сына опасно, смерть может не пощадить вдруг. А как в других странах?

Хафса почувствовала, что стало не хватать воздуха, сердце колотилось, словно намереваясь выскочить из груди. Так все чаще бывало после того

проклятого бунта янычар, когда они с Махидевран сидели, трясясь, в гареме, а Хуррем с детьми на том берегу, ничего не знали о Хатидже Султан, Повелитель был далеко, и защиты почти никакой.

Хезнедар-уста засуетилась, открыла дверь, чтобы впустить свежий воздух, позвала лекарку, помогла прилечь, подала ледяного мятного шербета, он хорошо успокаивал. Эх, не стоит размышлять о таких вопросах, как власть, даже размышления ни к чему хорошему не приводят. Почему же люди так стремятся к этой самой власти, словно это лучшее в жизни, словно нет ничего дороже и желанней, словно без нее, проклятушей, невозможно счастье?

Устроив валиде, старательно укрыв ей ноги, пригасив пару светильников, чтобы не раздражали, Самира сидела, глубоко задумавшись. Она то прекрасно знала, чего стоило Хафсе привести к власти Сулеймана, знала все секреты, все — от рождения нынешнего Повелителя до того дня, когда он опоясался мечом Османов. И теперь, как и Хафса, не знала, что дальше.

Она услышала, как валиде прошептала скорей для себя, чем для собеседницы:

— Махидевран своего не упустит...

А Хафса уже размышляла над словами башкадины о том, что Мустафе давно пора сделать обрезание. Махидевран права, пора, непонятно, чего Повелитель тянет. Но это означало, что шехзаде объявлялся взрослым, то есть способен стать султаном в случае чего... В случае чего... От этих